

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Владимир Иванович Красиков*

В постижении тайн генезиса русской культуры: формирование евразийства

Евразийство представляет для нас ценность прежде всего не как политико-идеологическое направление, а как творческая модернизация славянофильства — в историческом и культурфилософском отношении.

Самородное, сложившееся именно в эмиграции направление, которое представляли сравнительно молодые для науки люди от 25 до 40 лет, манифестировало себя как междисциплинарный идеологический проект новой русской идентичности. Это было объединение идеалистов, романтически, и даже революционно настроенных, подвижников альтернативного большевизму изменения России. Потому их оппоненты употребляют при их характеристике слова «секта», «эмоционально-экзальтированный кружок», «течение». Истоки направления — в обильном креативе предреволюционной России: потенциале русской религиозной философии; мастерстве историков — В. Ключевского, Р. Виппера, И. Гревса; выучке семинаров кружка П. Новгородцева; влиянии кругов Серебряного века: «Башни» Вяч. Иванова, акмеистов и т. п. Эти разносторонние исходные векторы сообщили междисциплинарный синтетизм, комплексность или же системность взглядам, учению, программе евразийцев.

Две их ключевые фигуры — Н. Трубецкой и П. Савицкий. Первый — скорее интеллект академического склада, тяготящийся организационных забот, тогда как второй — душа, вождь и харизматичный лидер. Время от времени к ним примыкали такие известные люди, как Г. Вернадский, Г. Флоровский, П. Бицилли, А. Карташев, Н. Алексеев, Л. Карсавин, Г. Федотов и др. Евразийцами второго порядка могут быть названы П. Сувчинский, П. Арапов, П. Малевский-Малевич, В. Ильин, Н. Рклицкий, В. Никитин, А. Бромберг, кн. Д. Святополк-Мирский, Г. Полковников, М. Шахматов, В. Сеземан, И. Степанов, Н. Клепинин, С. Эфрон, К. Чхеидзе, Э. Хара-Даван и др.

С самого начала в группе сложилось отчетливое разделение труда. Каждый отвечал за свой участок работы. Трубецкому, помимо его филолого-этнографического амплуа, принадлежала здесь еще и иницирующая роль в почине самого движения — с его будированием проблемы ложного и истинного национализма. Славянофильская идея в форме русской религиозной философии с ее православно-византийской идентификационной основой оказалась не способной реально противостоять «наваждению романо-германской

* Профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, доктор философских наук.
E-mail: KrasVladIv@gmail.com.

идеологии» — марксизму. Возник вопрос о качественном обновлении подобной национальной основы, — шире цивилизационной, самоидентификации, — ибо религиозное, православное фундирование оказалась недейственным.

Н. Трубецкой, вероятно, не в последнюю очередь под влиянием «Заката Европы», идентифицировал главного врага, противостоящего российской самобытности. Это — «романо-германская идеология», «европеизм» — в двух смыслах: в узконационалистическом, неопасном и в широком, опасном смысле наваждения, выдаваемого за общечеловеческое¹.

В чем корень зла европеизма, который индуцирует широкий спектр идеологий, вменяя их остальным неевропейским народам как общечеловеческие? Трубецкой здесь не оригинален, называя таковым индивидуализм или эгоцентризм. Ему он противопоставляет некий будущий истинный национализм, всецело основанный на самопознании, который и следует выработать российской интеллигенции. Но тогда что же должно быть исходным материалом для самопознания, если имеющаяся православная религиозность не может быть таковой в силу ее именно европейского (в широком смысле, т.е. христианского) происхождения? Что может дать в итоге искомую истинную идентичность?

И он делает оригинальный ход — сообразно своему научному профилю. Материалом самопознания, органической стихией культуры является история российских народов, воплощенная:

- антропологически (в крови метисов, «смеси племен»);
- этнографически (в скрещивающихся, взаимообогащенных языках);
- психологически (в сходном менталитете).

В итоге Трубецкой заявил об открытии замалчиваемого ранее — под подавляющим влиянием либо православия (в глубинах своих также имеющего отчетливые генетические связи с европеизмом), либо романо-германской идеологии — главного, *туранского* или восточного элемента российской культуры, с его воистину формирующим влиянием. Открытие новой этнографической переменной в корпусе культуры, отслеживание ее детерминаций в области коллективной психологии и духовности — в дополнение и вопреки имевшим место ранее шаблонам историософских схем — новация, мало оцененная в условиях векового засилья настроений универсализма и глобализации.

Таким образом, главным в евразийстве оказалась действительно новая, по выражению Савицкого, «реалистическая и эмпирическая постановка проблемы эмансипации». Эмансипации — от шаблонов того, что позднее Деррида назовет исходным символическим программированием западной культуры, исходно сформировавшейся в библейской и греко-римской традиции, активно и наступательно позиционирующей себя в качестве общечеловеческой и осевой. Реализм и эмпиризм — это активное вовлечение новых материалов и подходов из наук естественных и гуманитарных в поле культур-философской рефлексии, то, что многие оппоненты пренебрежительно называли то редукционизмом, то натурализмом, которые якобы не приемлет чистый дух.

Другой генератор брендовых идей направления П. Савицкий модернизирует, также согласно своему научному профилю, идеи географического детерминизма, вводя такое хорошо узнаваемое понятие, как «Евразия». Евразия — «еще континент в себе», «континент, предельный Европе и Азии, срединная часть этого материка, ...средостение между Европой и Азией в традиционном

¹ См.: Трубецкой Н. Наследие Чингисхана // Мы и другие. М., 2007. С. 480–498.

их разграничении». Именно сюда, в прежде дикое место экстремально низких температур, — последовательно, в течение тысячелетий все более на север — смещается вектор цивилизационного развития¹.

Флоровский и Сувчинский в продуцировании евразийских идей ничем особым не отметились, кроме того, что оба владели искусством печатного слова и повторяли на свой лад основные тезисы Трубецкого и Савицкого.

Дальнейшие разработки были связаны с постепенным приходом новых «специалистов», которые и создавали свои дисциплинарные аранжировки евразийских идей.

Л. Карсавин на некоторое время (три года) стал официальным философом движения, разработав концепцию евразийской цивилизации и государства как симфонической личности. Метафора «симфонии» стала удачной модернизацией славянофильского концепта «соборности». Согласно Карсавину есть два типа субъективности: индивидуальная и соборная (симфоническая). В первом случае — это эмпирический индивид, отдельная личность. Соборный, или же симфонический субъект — это разного рода совокупности людей: класс, сословие, народ, человечество. При этом симфонический субъект не агломерат или простая сумма индивидуальных субъектов, но их согласование (симфония), согласованное множество и единство и — в идеале и пределе — всеединство. Поэтому и народ не сумма социальных групп (сословий, классов и т. д.), но их организованное и согласованное иерархическое единство; культура народа — не сумма, а симфоническое единство более частных культур, и она не существует иначе, как их реально-конкретное единство².

Н. Алексеев представлял государственно-правовой аспект евразийского проекта. С одной стороны, он продолжил тренд классического славянофильства — идеализацию единства права и правды в древнерусской государственности (Святая Русь — государство правды). С другой — разработал учение-программу создания особой евразийской духовной элиты, которая была бы наследницей народнического альтруизма радикальной российской интеллигенции. Будущее государственное устройство Евразии — идеократия, власть в формате высших религиозно-философских истин, а руководящий слой должен, как и философы в «Государстве» Платона, быть их истовыми и профессиональными служителями, пастырями для масс. Право не должно быть якобы объективным, исходить из абстрактных общечеловеческих ценностей, на поверку оказывающихся фиговыми листочками, закрывающими банальный эгоцентризм романо-германского индивида. Оно должно быть «установочным» — исходить из культурно-исторического априори народа, его религиозно-метафизической традиции. Матрица евразийской государственности: централизация — дисциплина — самопожертвование.

Г. Вернадский взял на себя миссию разработки исторической части проекта. Ему принадлежит другой известный бренд направления — «месторазвитие». Это соотношение исторического времени и пространства: при постоянстве места социальное явление изменяется во времени, а при постоянстве времени оно изменяет пределы пространства, причем соотношение этих изменений эквивалентно. Применительно к обществам, подобно России занимающим огромные территории, именно «месторазвитие» определяет всю ее цивилизационную логику развития:

¹ См.: Конспект Евразия / сост. А. Г. Дугин. М., 1997. С. 141–160.

² См.: Карсавин Л. П. Философия истории. Минск, 2011.

— соотношение леса и степи, взаимодействие оседлой и кочевнической культур — определяющих факторов русской социокультурной истории;

— суть «русскости» в культуре — синтез византийского и тюрко-монгольского культурного наследия, при доминировании последнего;

— наличие циклов объединения и распада империй в Евразии: скифской, гуннской, Монгольской, Российской и СССР;

— основной объяснительный принцип — номогенез, целесообразное национально-культурное развитие, запрограммированное изначальными свойствами и внутренними причинами, жизненной энергией народа, осваивающего окружающую этническую и географическую среду, территориальное и смысловое пространство.

Евразийство вызвало бурную критическую реакцию всего политико-мировоззренческого спектра эмиграции: право-монархического, умеренно-консервативного, либерально-западнического и либерально-националистического, за исключением разве что пробольшевистского «сменовеховства». Наиболее известные критики евразийства: В. Зеньковский, Н. Лосский, А. Кизеветтер, Н. Бердяев, П. Милуков, С. Франк, П. Струве, П. Бицилли, Г. Флоровский, И. Ильин, С. Гессен, Ф. Степун, С. Булгаков, С. Ольденбург. Приоритетными были политические обвинения в симпатиях, близости, оправдании советской действительности, особенно в связи с деятельностью левого крыла евразийства. Так же настойчив был другой идеологический лейтмотив — вменение им тоталитарной подоплеки, стремления к диктатуре, фашистских тенденций. Однако это была обычная практика взаимных ритуальных инвектив в чересчур политизированной и постоянно эмоционально взвинченной атмосфере эмигрантской среды. Интереснее другое — трогательное единение противников евразийства и в области теории.

Удивительнее всего то, что основные векторы критики евразийства со стороны людей из самых разных мировоззренческих фракций по сути совпадали, различаясь разве что интенсивностью и акцентировкой деталей. Это определенным образом свидетельствует как о некоем исходном форматном единстве мышления казалось бы столь разных представителей эмиграции, так и о действительно инновативном характере основных положений евразийства. Итак, в чем совпали резоны их неприятия?

Главное обвинение, общее у всех критиков евразийства — в партикуляризме. Соответственно, уместно предположить, что мышление самих критиков отформатировано как универсалистское. Универсализм представлен в трех вариантах: жестком, мягком и религиозном.

Для либералов-западников самоочевидны «универсальные законы исторического развития» (Милуков), а общечеловеческое — это присутствие в культуре России европейских (цивилизационных) элементов. Особую неприязнь вызывало «монголофильство» евразийцев (Кизеветтер), их «тенденция туранизации» (Степун).

Мягкий вариант универсализма присутствует в критике либерал-национализма (Бердяев), с одной стороны, хвалившего евразийцев за решительную защиту национальной самобытности русского народа против «реакционно-интернационалистской» настроенности части российской интеллигенции и описание опасностей европоцентризма, с другой же — не принимавшего все то же отъявленное «азиатство».

Деятели русской религиозной философии считали главным грехом евразийства партикуляризм религиозный, рассматривающий православие сугубо культурологически — как явление, скорее, местно-этнографическое. Все они прекрасно отдавали себе отчет в универсалистской подоплеке любого варианта христианства — если не существует человечества как духовного единства и реальности, то христианство невозможно и лишено всякого смысла боговоплощения и искупления (Флоровский). Излишне напоминать, что библейский универсализм — истинная духовно-имперская подоплека западного мира — в широком, христианско-исламском цивилизационном отлечении — от, к примеру, индокитайского, африканского или же центральноамериканского символических универсумов.

Другой упрек — в натурализме — звучал довольно приглушенно, поскольку полагался не столь существенным и, скорее, методологическим недостатком. Это, опять-таки, дело вкуса, т. е. изначальных установок-воззрений на приоритетность тех или иных факторов в мировой схематике бытия. Сторонники первенства незримо-духовного, провиденциального смысла, фундирующего развитие мира, снисходительно будут попрекать в материалистической близорукости сторонников любых зримых факторов в истории, называемой необходимостью, — национально-расовых, географических или же экономических (Флоровский, Бердяев).

Так или иначе, евразийство оказалось действительным прорывом. Это не только модернизация славянофильства, развитие идей Данилевского-Шпенглера. Здесь мы опять видим интересный и плодотворный эффект совпадения изменений обстоятельств и изменения сознания, когда вызов краха всех идеологий в пореволюционной России инициировал совместную творческую активность лучших молодых умов в поисках радикальных метафизических альтернатив. Эта культуртрегерская активность вывела историософскую проблематику за пределы сугубо философской рефлексии и ввела ее в поле междисциплинарного освоения. Сущность любой цивилизации — не в ее культуре, формах политико-государственного устройства, экономике, географическом положении, а в системной связи всех этих факторов.

Евразийство оказалась в целом даже более успешным проектом, чем «бренд» русской религиозной философии. Последняя распалась на соперничающие фракции в эмиграции 20–40-х гг. XX в., и даже будучи возвращена на родину в 90-х гг. XX в., так по-настоящему и не прижилась, т. е. не получила сколь-нибудь значимого продолжения. Напротив, евразийство было и многолюдно в пору своего расцвета, и постоянно находилось в поле сохраняющегося интеллектуального внимания оппонентов, и, главное, получило мощную преемственность в виде творческих и влиятельных продолжателей, идентифицирующих себя с ним.

Речь идет, конечно же, о Л. Гумилеве, который один составил целую эпоху в отечественной историософии 1970–80-х гг. В 1956 г. он, через посредничество другого политкаторжанина, заочно познакомился с Савицким и находился с ним в десятилетней переписке, чтобы потом лично встретится с ним в Праге на археологическом конгрессе в 1966 г. Гумилев прямо идентифицировал себя с направлением¹, имеет столь же талантливых продолжателей в лице таких выдающихся преемников, как А. Панарин и А. Дугин.

¹ «Меня называют евразийцем...» (Отрывок из интервью Андрея Писарева с Л. Н. Гумилевым). URL: <http://lib.rus.ec/b/207207> (дата обращения: 20.03.2014).

Пристатейный библиографический список

1. Басин, И. Предыстория творческого пути князя С. Н. Трубецкого // Вопросы философии. — 1995. — № 9. — С. 106–115.
2. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. — Минск : Белорусский Экзархат, 2011. — 768 с.
3. Континент Евразия / сост. А. Г. Дугин. — М. : Аграф. — 1997. — С. 141–160.
4. Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / сост. С. Ключников. — М. : Беловодье, 1997. — 521 с.
5. Трубецкой, Н. Наследие Чингисхана // Мы и другие. — М. : Эксмо, 2007. — С. 480–498.

References

1. Basin, I. Predystorija tvorcheskogo puti knjazja S. N. Trubeckogo [Prehistory of Prince S.N. Trubetzkoj's Creative Development] // Philosophical Issues. — 1995. — № 9. — pp. 106–115.
2. Karsavin, L. P. Filosofija istorii [Phylosophy of History] / L. P. Karsavin. — Minsk : Belorusskij Jekzarhat, 2011. — 768 p.
3. Kontinent Evrazija [Eurasia-continent] / compiler is A. G. Dugin. — M. : Agraf. — 1997. — pp. 141–160.
4. Russkij uzal evrazijstva. Vostok v russkoj mysli. Sbornik trudov evrazijcev [Russian Unit of Eurasianism. East in the Russian Notion. Collected Papers of the Eurasians] / compiler is S. Kljuchnikov. — M. : Belovod'e, 1997. — 521 p.
5. Trubeckoj, N. Nasledie Chingishana [Inheritance of Genghis Khan] // We and the others. — M. : Jeksmo, 2007. — pp. 480–498.